

Шиповская Л.П., Гемонов А.В. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РУССКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ IX-XIV ВЕКОВ / 26.12.2013
Номер: Выпуск №7-2013 г.

УДК 009

Шиповская Людмила Павловна
доктор философских наук, профессор
Shlp8@rambler.ru

Shipovskay Lyudmila Pavlovna
doctor of philosophy, professor
Shlp8@rambler.ru

Гемонов Александр Владимирович
студент факультета почвоведения, агрохимии и
экологии
Российского государственного аграрного
университета – Московской сельскохозяйственной
академии имени К.А. Тимирязева, Россия
agemonov@yandex.ru

Gemonov Alexander Vladimirovich
student of faculty of soil science, agrochemistry and
ecology Russian state agrarian university – the Moscow
agricultural academy of name K.A. Timiryazeva, Russia
agemonov@yandex.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РУССКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ IX-XIV ВЕКОВ

PHENOMENOLOGY RUSSIAN HERALDRY IX-XIV CENTURIES

Аннотация. В статье рассматриваются геральдические символы IX-XIV веков в рамках феноменологической концепции социальной реальности. Основная идея статьи состоит в том, что геральдические символы, имея знаковую природу, выступают одной из форм конструирования социальной реальности, а именно поддержания важного для рассматриваемого исторического периода института княжеской власти. Авторы делают вывод о наделении носителей геральдических символов сакральным статусом, сначала на языческой и мифологической, а затем на христианской основе. Основными геральдическими символами выступали в домонгольский период знаки трезубца, в период монгольского ига – лев, вооруженный всадник, ангел-хранитель. Феноменология русской геральдики IX-XIV веков указывает на присутствие в общественном сознании того времени представлений об институте княжеской власти как имеющем особое, божественное происхождение и значение. Геральдические знаки способствовали поддержанию в общественном сознании представлений подобного рода.

Ключевые слова: геральдика, знак, феноменология, трезубец, легитимация, хабиутализации, институт княжеской власти.

Abstract. The article deals with heraldic symbols IX-XIV centuries, the phenomenological concept of social reality. The main idea is that the heraldic symbols, having the sign nature, are the one form of construction of social reality, and it is important to keep under review the historical period of the Institute of princely power. The authors conclude that empowering carriers heraldic symbols of the sacred status, first in pagan and mythological, and then on the basis of the Christian. The main heraldic symbols were in the pre-Mongol period marks a trident, during the Mongol yoke - a lion, armed horseman, a guardian angel. Phenomenology of Russian heraldry IX-XIV centuries indicates the presence in the public mind of the time representations about the Institute of princely power as having a special, divine origin and meaning. Heraldic signs are supportive in the public consciousness representations of this kind.

Keywords: heraldry, sign, phenomenology, trident, legitimation, habitualizations, Institute of princely power.

Геральдические символы традиционно изучаются в рамках исторических наук, хотя они составляют интересную проблему и для культурологического и философского анализа. Как и любые символические аспекты социальной жизни, геральдика представляет собой важный пласт мировоззрения, поскольку в ней в знаковой форме отражаются особенности мировоззрения и мироощущения представителей определенной исторической эпохи. Таким образом, мировоззренческое значение геральдической символики указывает на важность ее анализа в контексте предельно обобщенных концепций и подходов мировоззренческого характера, содержащихся в философском знании.

Обращение к философскому методологическому инструментарию в изучении геральдических символов Руси IX-XIV веков в данной работе обусловлено тем фактом, что они являют собой характерный пример символического элемента мировоззрения, выражающего отношение к миру наших предков, позволяющее глубже понять специфику и корни национального менталитета, проследить процесс генезиса определенных стихийно возникших представлений о социально-политическом устройстве, статусе государственной власти в обществе, роли государя в жизни народа, понятии социальной справедливости и т.д.

Среди множества философских подходов мы считаем наиболее эвристичным для решения поставленной исследовательской задачи феноменологический [11], наряду с семиотическим [9] и юнгианским подходами [7].

Социальная феноменология, разработанная в ряде научных трудов А. Шюца, а также Бергера и Т. Лукмана, позволяет выявить и проинтерпретировать причины и механизмы формирования различных элементов общественного сознания и социальных практик, посредством которых социальные организмы различных типов адаптируются к различным условиям.

Человек в ходе общения-взаимодействия с другими выражает свои мысли и чувства, что проявляется в продуктах человеческой деятельности. Благодаря таким объективациям существует реальность повседневной жизни. Она сплошь и рядом состоит из них. Важнейшим видом объективации является сигнификация – создание человеком знаков, выражающих их чувства, желания и намерения по отношению к другим. Знаки объединяются в системы, наиважнейшей знаковой системой является язык (знаками здесь выступают слова). Общие объективации повседневной жизни поддерживаются с помощью различных знаковых систем, к которым мы склонны относить и геральдические изображения. Реальность повседневной жизни существует в знаковых формах и благодаря знаковым формам, один индивид разделяет ее с другими. Таким образом, геральдические символы представляют собой результат сигнификации, особый тип знаковой системы, с помощью которой их владельцы выражали свои намерения и чувства по отношению к социуму

Согласно социально-феноменологической концепции, в отличие от всех остальных живых существ, живущих в закрытых сферах (на определенных территориях, ареалах, пространствах), человек открыт миру, его взаимосвязь с ним носит открытый характер. Человек – одно из немногих животных, способных существовать практически в любых условиях: климатических, природных, географических ресурсных и так далее. Поведение животного обусловлено инстинктами, оно однообразно и типизировано: опасность – нужно бежать, доступная добыча – надо догонять и убивать и тому подобное. Кроме того, поведение животного узко специализировано, что обусловлено особенностями его телесного строения и наличия определенных навыков. Для человека же характерен целый спектр разнообразных видов деятельности. Человек формируется не только природой, но и культурой, в ходе социализации. Человек не создает себя сам, это дело всего общества, социума. Люди совместно создают социокультурные и психологические образования, составляющие социальную среду, к которым мы относим и геральдические символы.

Рассмотренные в контексте социальной феноменологии геральдические символы как знаковые атрибуты княжеской власти на Руси предстают в качестве средств поддержания социального порядка. Так, переход к государственной форме социальной жизни в древнерусском социуме является проявлением процесса хабиутализации, то есть формирования устойчивой привычки к государственной организации жизни общества.

Хабиутализация является предпосылкой институализации. Проще говоря: развитие опривыченной деятельности (привычек) является условием формирования социальных институтов. Социальный институт – это «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода». Так, институт государства содержит взаимно типизируемые различными индивидами привычные формы управления обществом, реализации социального контроля, координации и регулирования социальных отношений на определенной территории.

Институты предполагают, во-первых, специализацию, то есть выделение лиц, выполняющих определенные опривыченные типизированные действия. Например, государственным управлением в Древней Руси занимались князья. Во-вторых, институты предполагают историчность: они формируются и развиваются под воздействием тех или иных факторов общественной жизни, что в полной мере относится и к Киевской Руси, и к Московии. В-третьих, с помощью институтов в обществе осуществляется социальный контроль. Институты указывают нам, что и как делать в различных сферах повседневной жизни, делают поведение людей типизированным, стандартным. Институты имеют по отношению к индивиду силу внешнего принудительного воздействия. Авторы указывают на следующую формулу, выражающую сущность социальных институтов: «так делается». Эта характеристика социального института относится и к институту княжеской власти в древнерусском социуме.

Таким образом, в рамках феноменологической парадигмы социальной реальности, создание социальных институтов представляется формой конструирования социального мира, общественной реальности. Общество имеет институциональную природу, и за счет этого оно приобретает стабильность, и дает чувство устойчивости индивидам, освобождая их от совершения множества выборов. По сути, «человек создает мир, который затем воспринимается как нечто совсем иное, чем человеческий продукт, жизнь человека неотделима от внешних обстоятельств. Но эти обстоятельства разнообразны, они предоставляют различные возможности действия человеку, который совершает выбор, истоки выбора коренятся в самой человеческой природе,- выбор ценностных ориентиров, смысла, направленности всей жизни в целом», поскольку результаты социального творчества носят объективированный характер.

Общественная динамика включает три диалектически связанных процесса: экстернализацию (создание в ходе деятельности фрагментов социальной реальности), объективацию (наделение их качествами внешних объектов, качеством объективности, то есть независимости от человека, его сознания и деятельности) и интернализацию (усвоение объективированных фактов в ходе социализации). Так, формирование института княжеской власти в Древней Руси можно представить в виде следующей схемы:

1. На заре отечественной истории наши предки начинают совершать опривыченные действия в сфере распределения власти и возникают соответствующие типизации, например, обладающий наибольшими материальными и силовыми ресурсами оказывает волевое воздействие на других, а эти другие принимают такое положение дел как должное. От единичных фактов осуществления власти подобного рода общество переходит к систематическому совершению данных действий. Возникает институт княжеской власти. (Экстернализация).

2. Институт приобретает характер объективного принудительного факта, с которым индивидам нужно считаться. Это становится нормой общественной жизни, которая может быть выражена фразой: так поступать правильно, противоположное поведение неправильное и неодобряемое. (Объективация).

3. Уважение к князю и его дружине прививается каждому новому поколению с раннего детства. (Интернализация).

Институты воплощаются в индивидуальном опыте с помощью социальных ролей. Роли имеют контролирующий характер. Как только индивид начинает играть определенную роль, его поведение должно соответствовать определенным стандартам. Так, институт княжеской власти существовал постольку, поскольку представители древнерусского социума интерпретировали установленный порядок княжеской власти как должный и правильный («так делается») и играли соответствующие роли княжеских подданных.

Именно поэтому каждый институт нуждается в легитимации, то есть в объяснении и оправдании. Среди форм легитимации выделяются мифические представления и религиозные учения (угодно богам или богу, установлено богами или богом), философских доктрин (рациональное умозрительное обоснование), научных систем (теоретико-эмпирическое обоснование). Так, институт княжеской власти в Древней Руси сначала легитимировался посредством мифических представлений о божественной сущности княжеской власти, а затем с помощью сформированных православной церковью воззрений на княжескую власть как данную богом.

Институты, согласно социальной феноменологии, представлены также в языке и в физических объектах, исходя из чего можно утверждать, что одной из форм представления института княжеской власти служили геральдические символы.

В интересующем нас историческом периоде можно выделить два периода:

- Период до монгольского нашествия и ига.
- Период монгольского нашествия и ига.

Подобная дифференциация обусловлена тем значением, которое монгольское нашествие имело для культуры и социальной жизни древнерусского социума. За время господства монголов на территории нашей страны феодальная раздробленность, междоусобицы и распри между князьями постепенно сменились тенденцией к интеграции как на политическом, так на экономическом, культурном и социальном уровнях. Кроме этого, с IX по XIV века шло постепенное укрепление в общественном сознании древнерусского социума ценностей и мировоззренческих установок христианства, пришедшего из Византии.

В первый из указанных периодов в сознании наших предков были сильны языческие верования и мифологические представления. Специфика мифологического сознания состоит в его целостности, синкретичности, образности и эмоциональности. Миф выражал мироощущение и миропонимание эпохи его создания. Мифологический способ познания относится к эмоционально-образному.

Оно (сознание) не предполагает аналитического мышления, о чем свидетельствует происхождение слова «миф». Так, древние греки отличали слово миф, характеризующейся синкретичностью и иррациональностью от понятия «логоса», основанного на аналитическом мышлении. По утверждению отечественного исследователя А.А. Тахо-Годи, понятие «миф» «выражает обобщенно-смысловую наполненность слова в его целостности» [5, с. 8]. Таким образом, этимология термина «миф» свидетельствует о его понимании как особой синкретичной формы мировосприятия, основанной скорее на чувственности и сверхчувственности, чем на разуме.

Если в рассуждениях о мифе обратиться к юнгианскому концепту «коллективного бессознательного», то нам открывается еще один важнейший пласт мифического – архетипические образы, воплощенные в

мифах и закрепившие в себе психоэтнические образцы отношения к определенным фрагментам повседневной жизни и сторонам окружающего мира [8].

Мифология играла роль механизма поддержания символического универсума, посредством которого в сознании древних славян, греков, индусов и остальных народов происходила легитимация (оправдание) существующего миропорядка и сложившегося в повседневной жизни положения дел. Так, в рамках мифических представлений древних руссов происходила легитимация института княжеской власти.

Современные социологи П. Бергер и Т. Лукман определяют мифологию как «концепцию реальности, которая полагает непрерывное проникновение священных сил в мир повседневного опыта» [2, с. 179]. Если в сознании жителей домонгольской Руси отдельные атрибуты княжеской власти олицетворяли собой сакральные аспекты его персоны. Подобная сакрализация княжеской власти в сознании наших предков, то есть на феноменальном уровне, отчетливо проявляется в геральдических символах домонгольской Руси, наиболее распространенными из которых были двузубец и трезубец.

Известно, что как таковых гербов в строгом значении данного слова в домонгольской Руси еще не существовало. Однако, как свидетельствуют множественные артефакты, был один символ, передаваемый по наследству и свидетельствующий о княжеском статусе его владельца. Речь идет о символе трезубца (реже двузубца) княжеского рода Рюриковичей, который проявлял себя по большей части на печатях и монетах. Подробный анализ предметов с изображениями данных знаков представлен в трудах Белецкого С.Д. и Соболевой Н.А. [1,4].

Рассмотрим в рамках феноменологического подхода ряд символов, имеющих непосредственное отношение к геральдике Руси домонгольского периода.

На указанных символах трезубец является знаком, а при более глубинном рассмотрении – символом, который формирует и/или актуализирует в сознании воспринимающего его индивида определенные феномены. К таким феноменам относятся те представления и мысли, которые возникающие в сознании человека, видящего данный герб. Если рассматривать изображение в качестве знака, то означаемое сведется к мысли о трезубце, возникающей в сознании воспринимающего данный визуальный образ. Но данный визуальный образ представляет собой не просто знак трезубца, а знак, скрывающий глубинный геральдический смысл, и именно эта смысловая наполненность данного образа позволяет отнести его к разряду символов.

К этим представлениям, носящим феноменальный (что в рамках феноменологии означает сформированность в сознании, субъективное осмысление, расхождение с подлинной сущностью) характер, относятся представление о сакральном статусе князя, о силе, могуществе и власти в духовной жизни княжеского рода.

Исходя из того, что трезубец как геральдический символ Киевских князей из рода Рюриковичей являлся символом сокола, падающего на добычу, одним из таких представлений было представление о княжеской силе и стремительности. Если облечь их в контекст анимистических верований, которые, возможно, в то время еще присутствовали в сознании руссов, то князь был олицетворением сокола как священной птицы.

Если учесть, что трезубец в индуизме символизировал прошлое, настоящее и будущее и связанные с ними, пассивность, инерцию и активность, в древнегреческой мифологии он символизировал власть над морем бога Посейдона, у римлян был оружием бога Юпитера, у славян он был оружием Перуна, в раннем христианстве символизировал Святую Троицу [3]. Таким образом, с одной стороны, трезубец, будучи акватическим символом, формировал представления о движении и жизни, так как связан с водой. С другой стороны, трезубец – это символ власти. Примечательным нам кажется тот факт, что в наше время трезубец используется в качестве геральдического символа Украины, Монголии, республики Барбадос.

Итак, рассмотренные геральдические символы домонгольского периода формировали и актуализировали в сознании индивидов их воспринимающих представления о сакральном статусе князя, способствуя тем самым легитимации института княжеской власти.

1. Двузуб князя Святослава.

2. Трзуб князя Владимира.

3. Трзуб Князя Ярослава.

В период монгольского завоевания и ига на Руси, как уже было нами отмечено, более прочно утвердилось христианство в его византийском варианте, служившее доминирующей формой легитимации символического универсума в древнерусском обществе периода монгольского ига. Если в домонгольской Руси даже после ее христианизации значительную роль в мировоззрении сохраняло язычество, что проявлялось и в геральдической символике (трезубцы на печатях киевских князей), то ко времени ига христианство окончательно упрочило свои позиции в духовной жизни наших предков.

При изучении феноменологии геральдики домонгольской Руси, мы считаем целесообразным для решения поставленной исследовательской задачи опираться на социально-феноменологическую теорию общества, хотя возможно применение таких подходов, как семиотический и юнгианский подходов.

Целесообразность использования выбранного нами подхода из того, что социальная феноменология позволяет раскрыть взаимосвязь механизмов духовной жизни общества и процессов в сознании индивида как основу знакового конструирования социальной реальности. Важнейшим инструментом феноменологического анализа выступает представление о том, что социальное конструирование реальности выступает по большей части в знаково-символической форме. А это означает, что феноменологический анализ русской геральдики рассматриваемого нами периода позволит сделать выводы об особенностях мировоззрения данной эпохи и сделать ряд обобщений философского плана.

Рассмотрим в рамках феноменологического подхода ряд символов, представленных в геральдике периода монголо-татарского ига.

1. Лев, карабкающийся по стене.

Герб Владимиро-Суздальских князей XI-XIII вв.

Герб Русской земли (Галиции). С печати Владислава Опольского.

Герб Владимиро-Суздальских князей и герб русской земли с печати Владимира Опольского с изображением льва, карабкающегося по стене, наводит нас на мысль о присутствии в мировоззрении Руси периода монголо-татарского ига ценности княжеской власти, силы, доминирования правителя в обществе.

На указанных символах герб является символом, который формирует и поддерживает в общественном сознании социальные представления о статусе князя и его власти. Если рассматривать изображение в качестве знака, то означаемое сведется к мысли о карабкающемся на стену льве, возникающей в сознании воспринимающего данный визуальный образ. Но данный визуальный образ представляет собой не просто знак льва и стены, а знак, скрывающий глубинный геральдический смысл, и именно эта смысловая наполненность данного образа позволяет отнести его к разряду символов.

Основными символами, встречающимися на геральдических изображениях Руси периода монголо-татарского ига, являются лев, вооруженный всадник, святой защитник или покровитель. В дополнение к феноменологическому рассмотрим данные символы в контексте еще двух упомянутых нами методологических подходов: семиотического и юнгианского или психоаналитического.

Лев как геральдический символ означает великодушие, мудрость и силу, стойкость, справедливость, закон, военную мощь. В христианском религиозном сознании символика льва отличается двойственностью:

1. Лев символизирует мощь и силу Иисуса, его властный статус как Царя Иудейского,
2. Также лев означает мессианскую сущность Христа, который спасает верующих от сатаны.

В то время бытовало представление о том, что лев спит, не закрывая глаз. В силу этого он означает духовную крепость и бдительность. Лев, будто неусыпный часовой, сохраняет церковные порядки и христианскую мораль. Помимо этого, люди в то время считали, что львята рождаются мертвыми, и жизнь вдыхается в них родителем, поэтому лев является символом воскресения. Будучи зверем-одиночкой, лев символизировал отшельничество и одиночество. Лев для христиан служил эмблемой святого Марка, так как именно его Евангелие выражало царственную природу Адриана, Евфимии, Иеронима, Марии Египетской, Павла Отшельника, Приски, Феклы. В катакомбных изображениях история о Данииле в логове львов символизирует спасение Господом истинных христиан.

2. Вооруженный всадник на коне.

Печать Александра Ярославича Невского, князя Новгородского, Великого князя Владимирского. Лицевая (князь на коне с мечем) и оборотная (св. Феодор Стратилат, поражающий дракона) стороны.

Печать Великого князя Александра Невского. Печать 1238 г.
Художник: А. С. Иванов

Печати Дмитрия Ивановича Донского. Лицевые стороны.

Печать великого князя Дмитрия Ивановича Донского.

Герб Юго-Западной Руси.

Изображения всадников на печатях Александра Невского и Дмитрия Донского показывает восприятие князей представителями рассматриваемой исторической эпохи как сильных и храбрых воинов, способных встать на защиту Отечества в трудную минуту. Демонстрирование собственной отваги и силы было характерным для княжеской власти в нашей стране. Аналогичное изображение присутствовало на гербе Юго-Западной Руси, только здесь всадник со знаменем держит щит с изображением льва.

Вооруженный всадник на коне означает силу, выносливость и скорость, то есть преимущества в физических качествах: силы, ловкости и т.д. Также данный образ символизирует гарантированность охраны и отеческого покровительства. Отсутствие нимба вокруг головы означало светский характер всадника, то есть символическое изображение князя. Как указывает Соболева Н.А., подобная «традиция может быть основой восприятия вооруженного всадника как князя, а позднее — царя» [4, с. 106].

Наряду с указанными геральдическими символами, в то время часто встречались изображения Святых в качестве геральдических символов. Представим два из них – изображение Святого Георгия, более известного как Георгий Победоносец, и изображение Святого Дмитрия – покровителя Дмитрия Донского.

Изображение Святого Георгия указывает на значимость для наших предков религиозной веры, проявляющейся в том числе и в вере в святых защитников и покровителей, способных прийти на помощь в трудные минуты жизни не просто отдельных людей, а целых родов.

Святой Георгий как покровитель и защитник символизировал неприступность Родины для врагов-чужеземцев, он выступал гарантом защищенности и безопасности для наших предков. Кроме того, Георгий, приняв мученическую смерть ради христианства как подлинной веры, символизировал религиозное подвижничество, упование на чудесное спасение от страданий посредством истинной веры. В самом

широком смысле Георгий Победоносец символизирует победу добра над злом, представления о которых были характерны для мировоззрения русичей еще с языческих времен. Достаточно обратиться к народному фольклору и можно увидеть, что добро в итоге всегда побеждает зло, и угнетенные и обиженные становятся свободными и счастливыми благодаря вмешательству героя. Святой Георгий, как и Святой Дмитрий, и являются геральдическими воплощениями образа героя, который согласно юнгианской концепции представляет один из важных архетипов коллективного бессознательного.

Святой Георгий с гербовым щитом на фасаде Георгиевского собора (1234 г.) в городе Юрьев-Польский.

Святой Дмитрий со щитом и копьем.

Герой как архетип являет собой активное начало личности, стремление к преобразованию мира, к деятельности, к утверждению жизни. Так, расположение образа героя на княжеских геральдических эмблемах выполняло ту же функцию, что и размещение образа всадника: сформировать и поддерживать на уровне коллективного бессознательного уверенность в безопасности и самосохранении. Это было актуально в период феодальной раздробленности, межкняжеских распр и монголо-татарского ига.

Подобные геральдические образы, имеющие религиозную природу, служат, на наш взгляд, проявлениями гуманистического сознания как важнейшего компонента христианского мирозерцания. При этом под гуманистическим сознанием понимается отношение к человеку как к «некоему высшему абсолютно-ценному началу, в силу которого он противостоит миру как инстанция особого порядка и призван к творческому самоопределению и совершенствованию жизни» [4, с. 333]. Гуманистическое сознание означает понимание, во-первых, человеком самого себя как богоподобной личности, а во-вторых, понимание других людей как таких же равных богоподобных творческих, а не только «тварных» личностей. Такое понимание человека и отношения человека к человеческому сообществу, к себе подобным является по сути персоналистическим: признание ценности личности с сохранением ценности значимости всего общества, всех остальных личностей.

В целом, геральдические символы Руси периода монголо-татарского ига демонстрируют трансформации в общественном сознании, связанные прежде всего с окончательным утверждением христианства и отождествление княжеской власти с религиозной верой. При этом, необходимо отметить, что сакрализация носителей государственной власти, присущая нашим предкам еще в языческие времена (трезубец на печатях первых Рюриковичей до этого понимался как атрибут божественных сил как к мифологии славян, так и в мифах других народов мира) не исчезла и в христианизированной Руси, изменив лишь контекстуальное содержание: князь стал рассматриваться не как наместник языческих богов, а как избранный на правление христианским Богом. Интересным нам представляется тот факт, что подобная сакрализация власти, ярко проявляющаяся на таких взаимосвязанных уровнях, как семиотический и архетипический, прослеживается на протяжении всей истории нашего государства. Достаточно вспомнить известную формулу Уварова «православие, самодержавие, народность», мавзолей В. И. Ленина, культ личности И.В. Сталина, конструирование масс-медийными средствами героического образа нынешнего Президента РФ, покоряющего все виды стихий: небеса, огонь, землю и воду.

Таким образом, феноменологический анализ указанных геральдических символов позволяет сделать вывод о том, что в домонгольский период для древних руссов была характерной сакрализация княжеской власти в контексте мифологических представлений, ведущих начало в верованиях индоарийских народов. К периоду монголо-татарского ига на Руси окончательно утвердилось христианское видение мира, именно в христианском вероучении представители данной эпохи истории Руси находили ответы на основные мировоззренческие жизненные вопросы. Также проанализированные в тексте статьи символы указывают на

высокий статус князей и на веру народа в них как защитников и покровителей народа. С другой стороны, появление на геральдических символах коня как солярного символа означает укорененность в подсознательных пластах духовной жизни средневекового русского социума архетипического видения мира, так как конь – это древний солярный символ, означающий не только силу, но и энергию, ведь солнце во все времена являлось основным источником энергии и условием поддержания жизни на земле. Изображение князя, оседлавшего коня, означало, что он поддерживается солнцем и сам в свою очередь несет жизнь своим подданным. Изображения святых покровителей указывают на то, что актуализация данных архетипических образов была вызвана возросшей потребностью в обретении и поддержании чувства безопасности и защищенности в связи с нестабильной социально-политической обстановкой в данный период истории Руси.

Литература:

[1] Белецкий С.Д. Древнейшая геральдика Руси // «Повесть временных лет». СПб., Вита Нова, 2012. стр. 431 – 463.

[2] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания - М.: «Медиум», 1995 г. - 323 с.

[3] Галанин А.В. Арийские традиции // Вселенная живая [Электронный ресурс] – Владивосток, 2012-2013. Адрес доступа:<http://ukhtoma.ru/traditions1.htm>

[4] Соболева Н. А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета - М.: Языки славянских культур: Знак, 2006. - 487 с.

[5] Тахо-Годи А.А. Греческая мифология – М.: Искусство, 1989. – 304 с.

[6] Шиповская Л.П. «Человек и его потребности» М. Инфра-М, Альфа-М, 2011, стр. 12.

[7] Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение Том 3. № 2. 2003. С. 2-34.

[8] Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Пер. с англ.– К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с

[9] Юнг К.Г. Человек и его символы – М.: Серебряные нити, 2011. 352 с.

[10] Эко. У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с. С. 51

[11] Ottfried Neubecker *Heraldry: Sources, Symbols and Meaning*. Tiger Books International (1997). 288 pages.

[12] Schütz Alfred *Scheler's Theory of Intersubjectivity and the General Thesis of the Alter Ego* // *Philosophy and Phenomenological Research*, March, 1942, с. 323—347

[13] «The quest for meaning». University of Toronto Press Incorporated, 2007, Toronto Buf-folo London. С. 153

[14] Kalevi Kull: *Vegetative, Animal, and Cultural Semiosis: The semiotic threshold zones* // *Cognitive semiotics. Issue 4 - Spring 2009 - Anthrosemiotics vs. Biosemiotics*

Literature:

[1] Beletsky S. D. *The most ancient heraldry of Russia/"Story of temporary years"*. SPb. Vit It is new, 2012. p. 431 - 463.

[2] Berger P., Lukman T. *Social designing of reality. The treatise on knowledge sociology* - M: "Medium", 1995 - 323 pages.

[3] Galanin A.V. *Aryan traditions//the Universe live [An electronic resource]* – Vladivostok, 2012-2013. Address доступа:<http://ukhtoma.ru/traditions1.htm>

[4] Soboleva N. A. *Sketches of history of the Russian symbolics. From тамга to symbols of the state sovereignty* - M: *Languages of Slavic cultures: Sign*, 2006. - 487 pages.

- [5] *Taho-Godi A.A. Grecheskaya mythology – M: Art, 1989. – 304 pages.*
- [6] *Shipovsky L.P. "Person and his requirements" M of Infra-M, Alpha _ M, 2011, p. 12.*
- [7] *Shyuts A. About plurality of realities//Sociological review Tom 3. No. 2. 2003 . Page 2-34.*
- [8] *Ung K.G. Dusha and myth: six archetypes. The lane with English – To. : The state library of Ukraine for youth, 1996. – 384 with*
- [9] *Ung K.G. Chelovek and his symbols – M: Silver threads, 2011. 352 pages.*
- [10] *Eko. At. Absent structure. Introduction in a semiologiya – SPB. : Shopping Mall Petropolis LLP, 1998. – 432 pages of Page 51*
- [11] *Ottfried Neubecker Heraldry: Sources, Symbols and Meaning. Tiger Books International (1997). 288 pages.*
- [12] *Schütz Alfred Scheler's Theory of Intersubjectivity and the General Thesis of the Alter Ego"//Philosophy and Phenomenological Research, March, 1942, with. 323 — 347*
- [13] *"The quest for meaning". University of Toronto Press Incorporated, 2007, Toronto Buf-folo London. Page 153*
- [14] *Kalevi Kull: Vegetative, Animal, and Cultural Semiosis: The semiotic threshold zones//Cognitive semiotics. Issue 4 - Spring 2009 - Anthrosemiotics vs. Biosemiotics*